

На столе стояло обильное утреннее угощение: свежельовленные на рассвете анчоусы пошли в рыбный рис, к которому подавались креветочная паста и крабы в соевом соусе, чашка маринованных креветок, варёные мидии, салат из морской капусты и запечённые яйца с морскими ежами — яйцо взбивали и заливали прямо в панцирь ежа, а потом готовили на пару, подавали по одному на человека, ели прямо ложкой из панциря.

Кроме яиц, использованных для приготовления этого блюда, было немного оставшейся со вчерашнего дня свинины. В такую жару ее долго не сохранить, так что она тоже не пропала даром: её сразу же засолили. Ещё вечером Чжун Чунься вместе с младшим братом Чжун Чуньчжу засолили мясо и уложили в глиняный горшок, чтобы не испортилось.

Надо признать, на свадебном пиру мясных блюд было столько, что весь посёлок наелся досыта. Гости расходились с блестящими от жира губами, наперебой нахваливая: мол, даже та пирушка перед устьем реки в прошлом месяце и рядом не стояла. На каждом столе было мясо, курятина и яйца, два овощных блюда готовили на свином жире - если посудить по-честному, то почти полстола составляли мясные угощения, даже на Новый год так не едят.

А после такого угощения, как известно, язык становится короче, скорее всего, после этой трапезы число тех, кто хвалит Чжун Мина и Су И, в деревне заметно прибавится.

К тому же дело было не только в пышности угощения, но и в оживлённой компании за столом. Чжун Мин и Су И сидели с одной стороны, рядом с ними - Хань-гер. Напротив расположилась Чжун Чунься, а ещё на этой же стороне сидели четыре человека из семьи пятого дяди Чжун Мина. Поэтому одного стола было решительно недостаточно, притащили столы с лодок Чжун Мина и пятого старшего Чжуна, сдвинули их вместе, вот тогда и получился настоящий праздничный пир.

Пятый в роду — это младший гер старого Чжуна, Чжун Чуньчжу. Его муж, Ци Юн, мужчина из деревни Юйшаньао. От Юйшаньао до Байшуйао на лодке идти целый час, вроде бы и немало, но при наличии лодки это вообще не проблема, даже с детьми и пожитками добраться несложно. При попутном ветре, бывает, и часа не требуется.

Так что, чтобы успеть на свадьбу племянника, Чжун Чуньчжу специально прибыл за день до торжества. Вместе с мужем Ци Юном он привёз двух сыновей: старший - семилетний гер Хао, тот ещё сорванец, в том возрасте, когда и кошки, и собаки сторонятся; младшему было всего два года, он только и умел, что сосать пальцы.

Чжун Чуньчжу с детства был особенно близок со старшей сестрой Чжун Чунься, потому, раз уж вернулся, то разговоры у них не прекращались. Вчера вечером Чжун Чунься даже выгнала Тан Дацяна ночевать на лодку к Ци Юну, а сама осталась на своей, чтобы провести ночь в болтовне с братом.

За эту ночь Чжун Чуньчжу узнал немало нового. В прошлый раз он возвращался домой ещё в четвёртом месяце по случаю годовщины смерти родителей. Тогда вторая сестра чуть ли вздохами с ног не сбивала, жаловалась, мол, А-Мин совсем неуправляемый, кто знает, когда он

остепенится, не иначе как женихом станет к году обезьяны. А тут всего три месяца прошло, и свадьба уже сыграна.

Когда он в Юйшаньао забрал людей и попутно принял переданное известие, сперва подумал, что ослышался — удивился, да так, что сердце чуть не выпрыгнуло. Ясное дело, за этим событием кроется масса всяких подробностей. Он и уговаривать сестру не стал, та сама с упоением всё ему выложила, рассказ был длинный, а слушать - одно удовольствие.

Что касается Су И, то, хоть он и давно уже выдан из дома, Чжун Чуньчжу хорошо помнил этого гера. Стоило услышать имя, как сразу понял, что речь идёт о том самом несчастном шестипалом гере. В семье Чжун всегда были люди добрые и прямодушные, во всякие суеверия про «звезду бедствий» не верили и слухов не поддерживали. Но Чжун Чуньчжу всё равно никак не мог понять, как его племянник и Су И вообще могли сойтись.

А ведь этот племянник, как говорят в родне, вечно носится по уезду, будто глаза у него на макушке, совсем не глядит на своих в деревне, только и мечтает, как бы получить статус городского и в уезд податься. Будь Су И первым красавцем Байшуйао, ещё куда ни шло, но ведь он, наоборот, совсем не броский, с виду ничего особенного.

Теперь же, выслушав рассказ второй сестры, он и сам наконец понял, как загадочна и необъяснима порой судьба. И порадовался за племянника, тот, глядишь, и впрямь решил теперь жить по-людски, честно и прочно.

За последние два дня, проведённые в родительском доме, он немало наблюдал за ними со стороны: и на свадебном пиру вчера, когда молодые приходили с поклоном, их взгляды неотрывно цеплялись друг за друга, словно спутанный клубок ниток, как ни посмотри, ясно было: чувства между ними настоящие.

Что до Су И, его внешность, пусть и не выдающаяся, была по-своему приятной. Чистая, мягкая, особенно глаза: округлые, полные живости, светлые и ясные, без тени хитрости или мелочности. Правда, чересчур уж худощав, а пятно фертильности гера было тусклым - если не беречь здоровье, могут быть сложности с вынашиванием. Он сам был гером и понимал, насколько непросто бывает с зачатием, геры и без того беременеют тяжелее, чем женщины. Кто, женившись на гере, не мечтает поскорее обзавестись детьми и продолжить род?

Он решил, что перед отъездом обязательно найдёт возможность поговорить об этом с Чжун Мином и И-гером, чтобы ненавязчиво предостеречь их.

По завершении завтрака Чжун Мин и Су И, разумеется, не могли позволить себе отдохнуть. Су И только что вошёл в дом, без родителей и старших в семье, и им предстояло лично засвидетельствовать почтение третьему дяде Чжун Мина и его жене. Те вчера и впрямь немало помогли, приняли участие в делах, а потому благодарственный подарок был к месту. Кроме того, они собирались навестить бабушку Сун. Она приютила Су И на полмесяца и за всё время не взяла с него даже копейки, а в день свадьбы, по сути, выступила в роли его матери и проводила замуж. Такую доброту следовало непременно запомнить.

Что до семьи четвертого дяди Чжун, он и не собирался к ним идти. Вчера на свадебный пир четвертая тётка, Го-ши, как и ожидалось, сославшись на болезнь, не пришел — только сам дядя с Чжун Шитоу заглянули с подарком и остались на угощение.

Раз уж люди проявили такую «любезность», не стоило и самим лезть с поклонами. Родня - родней, но и в родстве есть ближние и дальние, по-настоящему дело можно иметь только с Чжун Шитоу, и то, насколько уж там нужно. Если бы они всё-таки явились с визитом, а те снова исподтишка сунули бы палку в колёса, тогда уж позор был бы не им, а именно Чжун Мину.

А вот к третьему дяде идти стоило обязательно, но там и впрямь приняли их как положено. Лян-ши, жена дяди, специально заварила для Су И чашку сладкого отвара, после чего велела Чжун Ху позвать Чжун Бао и Чжун Мяо, чтобы все по очереди пришли и поклонились:

- Теперь уже зовите его старшей невесткой, — сказала она.

Чжун Ху, глядя, как Чжун Мин идёт рядом с гером, до сих пор не мог прийти в себя: все же они - братья, как вышло, что между ними такая пропасть? Сам он втайне давно влюблён в одну девушку, но та, не дождавшись его, уже вышла за другого. А его двоюродный брат, Чжун Мин, ещё недавно был таким же холостяком, и всё завидовал брату Шоуцаю, у которого есть жена, да ещё и обеды приносит. А теперь вот он, брак по любви, да ещё и с добрым и кротким гером. Мечта, да и только.

У третьего дяди Чжун детей было много, так что, хоть и виделись вчера, всё было на бегу, а вот сегодня, наконец, все друг с другом как следует познакомились. После поклона все сели за стол. Третий дядя был из тех, кто обожал наводить важность старшего, поучать, читать нотации, особенно, когда Чжун Мин вёл себя беспутно. Тогда он нередко попадал под горячую руку, и, услышав уже издали нравоучительный тон, частенько сворачивал на другой путь, чем не раз доводил дядю до белого каления.

Теперь, увидев, что Чжун Мин наконец-то взялся за ум, женился и обзавёлся семьёй, у старика снова разыгралось старое. Прихватив чашку крепко заваренного чая, он принялся рассуждать с таким жаром, что даже брызги слюны полетели. В сущности же всё, что он говорил, было давно избитым: мол, работай честно, веди хозяйство старательно, копи понемногу, и будет правильно.

Чжун Мин уже к середине рассуждений мысленно уплыл куда-то далеко, Чжун Ху тем временем уставился в сучок на дощатой палубе и погрузился в задумчивость, а Чжун Бао с Чжун Мяо зевали один за другим.

Только Су И - не Чжун Мин. Прежде с ним ни один старший всерьёз так не беседовал, потому эти слова, пусть и старомодные, были для него внове. В отличие от других, у кого от таких наставлений на ушах уже образовались мозоли, для него это было чуть ли не откровением - он даже кивал и поддакивал на нужных местах. Третий дядя Чжун, казалось, нашёл себе собеседника по душе, и чем дальше, тем сильнее увлекался. В какой-то момент даже

терпеливая Лян-ши, сидевшая рядом, начала заметно хмуриться и пару раз бросила на мужа выразительный взгляд, но тот, будто и не замечая, продолжал в том же духе.

Тогда Лян-ши пошла с другого конца - намекнула Чжун Мину. Тот ловко уловил посыл, с облегчением поймал её взгляд в ответ, вытерпел ещё с десятков нравоучений и, выбрав удачный момент, поспешил перебить:

— Третий дядя, мы и так у вас засиделись, не хочется больше тревожить вас с тётушкой. Нам ещё надо заглянуть на лодку к бабушке Сун, если опоздаем, попадём как раз на обеденный час, как-то неловко получится.

— Ай, верно, — закивал дядя. — Идти надо, дело хорошее вы задумали.

Он взглянул на небо и не стал задерживать, только сказал:

— Раз так, ступайте пораньше, а уж в другой день, как будет время, приходите посидеть.

Когда они сошли с лодки, Чжун Мин с облегчением выдохнул и повернулся к Су И:

— Как только мой третий дядька начинает говорить, даже кошки из дому сбегают. Не думал, что ты высидишь.

Су И и правда не придавал этому значения, он почесал щёку и сказал:

— А по мне, он говорил довольно интересно. Я как слушать начал, так и заслушался.

Чжун Мин перехватил в другую руку свёрток для бабушки Сун и переместился на левую сторону, чтобы идти с Су И плечом к плечу, и тут же взял его за руку, ведя вперёд:

— Это потому, что ты в первый раз его слушал. Пройдёт пару лет, сам увидишь: у него всё одно да потому, ходовые фразы, не меняются.

Рука Су И, которую держал Чжун Мин, при каждом шаге чуть раскачивалась вперёд-назад.

— Мне пока не надоело, — спокойно сказал он. — Хочу ещё послушать.

Он немного помедлил и добавил:

— На самом деле, когда слушал его, подумал: так вот каково это, когда в доме есть старшие.

Раньше, когда дядя был жив, он тоже любил поболтать о том о сём, но это было совсем не то, ведь в той семье он всё же оставался чужим, неловким, почти лишним. Что бы ни говорили люди в доме Лу, всё то было не о нём и не для него. В отличие от второй тётки и третьего дяди Чжун, которые по-настоящему приняли его как родного, смотрели с добротой и лаской, без холода, без презрения.

Чжун Мин вполне мог представить, о чём сейчас думает его гер.

— Теперь мы с тобой супруги, одно целое. Все мои тётки, дяди, братья и сёстры отныне и твои родные. Кто тебе по душе, с тем и сближайся, кто не по нраву, можешь и словом лишним не обмениваться, — сказал он.

Тут же он упомянул про дело с Го-ши.

— Ты, наверное, в деревне тоже слышал про мою четвертую тётку. Не то чтоб он уж совсем злой, но и приятного в нем мало. Сейчас он первый заговорил о тебе плохо, и я уж точно не стану уступать только потому, что он старший. Впредь если столкнёшься с ним, просто поздоровайся, и достаточно. А уж если он за моей спиной скажет тебе что-нибудь обидное, сразу приходи и расскажи мне.

Он также по очереди рассказал, кто в семье какой имеет нрав, кто с кем из рода ближе водится, и с кем, скорее всего, ещё предстоит общаться. Например, с домом Чжун Шоуцая, с шестым дядюшкой Юнь и так далее.

Вчера они только поженились, а сегодня уже идут рядом, плечо к плечу, беседуют по дороге, да к тому же Су И нарядился ярко: на нём новая, сшитая к свадьбе одежда из тонкой ткани, в волосах серебряная шпилька, в ушах - серебряные бусинки. Просто глаз не оторвать.

Кто-то смотрел с простой завистью, сокрушаясь, почему ему самому так не повезло; кто-то же не скрывал злобы, продолжая твердить, будто Су И недостойн Чжун Мина, а сам Чжун Мин просто строит из себя богача. Если вслушаться внимательнее, легко было понять: те, кто говорил подобное, - либо Су и Лу, не получившие приглашения на свадебный пир, либо Лю, повязанные с Лю Ланьцао, которые хоть и пришли, но получили отнюдь не тёплый приём.

Сто людей — сто характеров, сто характеров — сто сердец. Так было всегда.

На лодке семьи Лу.

Лу Юй лежал в каюте, глядя в потолок, вялый, как мокрая тряпка, а рядом Лу Фэн носился, как угорелый, раскидывая по полу всякую всячину. Лу Юй заранее всё предугадал, потому ещё до того, как улёгся, привязал младшего брата за талию верёвкой, держа её конец в руке, а остальное пустил на самотёк, не мешая малышу носиться, как вздумается.

Прошло немного времени, и Лю Ланьцао вернулась на лодку снаружи, прямо-таки кипя от злости. Она так торопилась, что едва не наступила на младшего сына, и, не успев ещё выругаться, сделала пару шагов и пнула пустую банку.

Затем она увидела Лу Юя, раскинувшегося, будто бездушная кукла, с неумытой физиономией и растрёпанной головой, и терпение у неё окончательно лопнуло.

— Я тебя просила присмотреть за младшим братом - вот так ты за ним следишь? — с укором в голосе бросила Лю Ланьцао.

Лу Юй лениво перевернулся на бок и безразлично буркнул:

— Он же не обмочился и целый вроде, ни кусочка не потерял.

Лю Ланьцао злобно метнула в него взгляд, быстро развязала верёвку с Лу Фэна и увела того в другую часть каюты. Там она сразу заметила: всё, что велела Лу Юю сделать перед выходом, так и осталось невыполненным. Она чуть ли не закипела от злости. С самого раннего утра она ушла в море, чтобы хоть что-то выловить - лишь бы хватило на пару чашек риса. А в итоге весь путь туда и обратно ей пришлось терпеть насмешки и косые взгляды.

С тех пор как Су И ушёл с их лодки, и без того находились сплетники, говорящие ей за спиной всякое. А теперь, когда он действительно вышел замуж в семью Чжун, да ещё и свадьбу сыграли шумную, пышную, с угощением на сале — те, кто это ел, будто жиром глаза себе замазали.

Ладно бы чужие люди обсуждали, но и родня с её стороны, родственники по материнской линии, оказались не лучше: шептались за спиной, перешёптывались за пару шагов, высказываясь с явным намёком, чтобы она непременно услышала. И что же они говорили? Всё одно и то же: будто бы они пришли на свадьбу семьи Чжун, принесли подарки, а получили в ответ только холод и пренебрежение. А виновата во всём, конечно, она — Лю Ланьцао, что позорит весь род Лю своим недостойным поведением. Разве это не бессовестная придирка?

Подумав об этом, Лю Ланьцао со злостью швырнула обратно только что подобранную тряпку. Мокрая ветошь смачно шлёпнулась об пол лодки, разбрызгав капли воды.

— С утра до ночи, ни одного толку! Младший ничего не понимает, старший как без души! Всю работу я одна на себе тащу! Вы что, решили угробить собственную мать?

Она в раздражении встала, заливаясь жалобами, и только теперь по-настоящему прочувствовала: не живя в своей семье, не узнаешь, как тяжело даются рис и вода. Исчезновение Су И означало не просто минус один человек в доме. С ним ушли и пайки, и те деньги, что он приносил, продавая пасту из креветок, а это была вовсе не мелочь, а настоящие серебряные монеты!

Выкуп она не получила, браслет хитростью выудили - чем дольше она об этом вспоминала, тем сильнее закипала от злости.

Лу Фэн был слишком мал, чтобы что-то понять. А вот Лу Юй всё понимал. Он плотно сжал губы и с обидой уставился в пол.

— Раньше ведь я тоже делал всё это...

Лю Ланьцао тут же подхватила, перекрыв его голос:

— Раньше — это раньше! А сейчас — это сейчас! Раньше у тебя был старший брат и тот белоглазый волк Су И, всё тебе доставалось по минимуму. А теперь их нет, и если ты не возьмёшься, кто должен всё делать? Никто? Ну так давай, трое нас осталось - обвяжемся веревкой и пойдём ветром питаться!

Она выругалась, окинула взглядом по сторонам и заметила, что через две лодки баба из семьи Ван будто нарочно наострила уши и глядела в их сторону, с лицом, полным жажды сплетен. В раздражении она со всей силы сплюнула в сторону лодки Ван и громко прокричала:

— Чего глазеешь, болтливая дрянь с гнилым языком, тьфу на тебя!

С этим она больше не сдерживалась, вошла в каюту и, с грохотом захлопнув дверь, указала на Лу Юя:

— А ну быстро сюда! Ради какого-то нищего мужлана распускаешь нюни, ты мне совсем не похож на моего ребёнка, рожденного из моего чрева!

С ненавистью в голосе она продолжила:

— Что в том Чжун Мине такого? Только и знает, что пускать пыль в глаза! В кармане ни гроша, а всё туда же — ткани, рис, давай приданое собирать. Обошёл весь залив, всех знакомых потревожил, а теперь вернулся, вот уж и вся добродетель! Снял с нас браслет, а теперь вон Су И инкрустированную шпильку подарил, и светится с ней на всю округу. Посмотрим, надолго ли хватит! Деньги, они ведь такие - чем больше светишь, тем скорее растекаются. Рано или поздно он всё своё растратит до последней монеты!

Лу Юй тут же подскочил, глаза у него метали искры:

— Чжун Мин и впрямь подарил Су И серебряную шпильку? Да ведь всего второй день после свадьбы!

А его старший брат, выйдя замуж за двоюродного брата, до сих пор не дождался ни единой

серебряной безделушки. Всѣ твердят, мол, деньги ушли на новую лодку, а о подарках подумают уже после рождения ребѣнка.

Очевидно, Лю Ланьцао тоже вспомнила о Юэ-гере, и её взгляд помрачнел.

— Откуда у него деньги на серебряную шпильку? — процедила она. — Уж точно тот серебряный браслет переплавил! Да и что он за человек — нищий, которому даже на новую лодку не хватает. Думаешь, такая шпилька больше двух лянов стоит? А лодка — это то, что кормит семью!

Сменив тон на более мягкий, она обратилась к родному сыну:

— Я ведь твоя мать, разве стану тебе зла желать? Раньше не велела тебе о Чжун Мине думать, ты был недоволен. А теперь сам убедился? Старая кастрюля да кривой котел — вот и пара! Пусть и дальше друг друга губят, а тебе я сама найду подходящую пару. Обещаю, не хуже, чем у твоего старшего брата. Наденешь новые одежды, сядешь на новую лодку, с шумом да музыкой выйдешь замуж. Всем на зависть, прославишь нашу семью!

<http://bllate.org/book/13583/1205014>